

© 1995 г., ЭО, № 6

И. Ю. Винокурова

СЕВЕРНОВЕПССКИЕ ПРЕСТОЛЬНЫЕ ПРАЗДНИКИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Среди многочисленных календарных праздников различного происхождения престольные, или храмовые, праздники менее всего привлекали внимание этнографов. Отсутствие интереса, по-видимому, отчасти можно объяснить их церковным происхождением и утвердившимся мнением о том, что они якобы не обладают этническим своеобразием. В настоящей статье я хотела бы показать ошибочность этого мнения и познакомить читателя с традицией празднования «престолов» у вепсов Прионежья, их большой ролью в жизни народа в прошлом. Напомню, что прионежские, или северные, вепсы представляют собой одну из самых обособленных и компактных этнодиалектных групп вепсского этноса, проживающую на юго-западном побережье Онежского озера — от с. Шокша до с. Гимрека.

В конце XIX — начале XX в. у прионежских вепсов существовала сложная праздничная система, состоящая из праздников народного, церковного и гражданского происхождения. Если представить ее в пространственном масштабе, как бы в виде карты¹, то мы увидим на ней следующие группы праздников: 1) праздники общевепские, т. е. одновременно отмечаемые на всей территории расселения вепсов (Пасха, двенадцатые праздники, Святки, Масленица, Новый год); 2) праздники, характерные только для прионежских вепсов и отсутствующие в других вепсских группах (Встреча лета (Kezan vastuz) — 1.05; «Опускание теплого камня в воду богом Дюмал» — 1.06²; 3) праздники северновепских поселений (престольные, *заветные*)³. Но, как известно, в каждое северновепское поселение входило несколько деревень. Например, в с. Шелтозеро таких деревень было около 15⁴, поэтому выделяется 4-я группа — деревенские праздники (*заветные, часов ёнские*).

Престольные праздники, о которых пойдет речь в настоящей статье, относятся к третьей выделенной группе. Престольные праздники (*stolan praznikad*) — это праздники в честь святого или события священной истории, которым была посвящена местная церковь или ее приделы. Престольные праздники были одними из наиболее почитаемых среди вепсов. В прошлом каждое вепсское поселение Прионежья имело обычно по две церкви с несколькими приделами: зимнюю каменную и летнюю деревянную — и справляло по два-три, а иногда и по четыре «престола» в год. Так, в Шокше храмовыми праздниками были Никола весенний (9.05) и зимний (6.12), Петров день (29.06), Покров (1.10); в Шелтозере — Егорий весенний (23.04) и осенний (26.11), второй Спас (6.08); в Каскесруче — Успенье (15.08) и Медосъев день (18.12) и т. д. (табл. 1).

В отличие от других традиционных праздников престольные праздники прионежских вепсов были «съезжими», важный их компонент составляла взаимная «гостьба» между жителями соседних селений. Как показали экспедиционные исследования, в вепсском Прионежье прием приезжих гостей на престольные праздники осуществлялся строго по родству. Об этом красноречиво свидетельствуют хотя бы ответы информаторов, полученные на вопрос: «Приходилось ли Вам бывать на празднике в поселении (перечислялись по очереди все северновепские села.— И. В.)?» — «Туда не ездила. Родни нет, так не

Храмовые и деревенские праздники северовепсских поселений, обычай гостьбы *adiv*

Поселение	Большие храмовые и заветные праздники	Малые деревенские (часовенские, заветные) праздники	Обычай гостьбы <i>adiv</i>
1	2	3	4
Шокша (Soks) Coga	Петров день (29.06), Покров (1.10) Никола (9.05, 6.12)		После Покрова, Николы (6.12) Петровея (16.01) — 2 недели
Görc	»	Михайлов день (8.09)	»
Vasilist	»	Воздвижение (14.09)	»
Kar(a)	»	»	»
Bušakohne	»	Дмитриев день (26.10)	»
Pinz	»	»	»
Keskuí	»	»	»
Voimikist	»	Егорий (23.04, 26.11)	»
Surd	»	Александров день (30.08)	»
Вангимова Сельга (Vanhimán sélg)	Троица, Успение (15.08), Кузьма и Демьян (1.11) — zavetan praznik		После Николы (6.12) — 2 недели
Ржаное Озеро (Rugzdarv)	Кузьма и Демьян (1.11) Егорий (26.11)		После Крещения (6.01) — 2 недели

Таблица 1 (продолжение)

Поселение	Большие храмовые и заветные праздники	Малые деревенские (часовенские, заветные) праздники	Обычай гостыбы адів
1	2	3	4
Крюкова Сельга (Krik) Габшема (Hapšom) Вехручей (Vehkei)	Духов день, Успенъе (15.08) Кузьма и Демьян (1.11) Духов день, Успенъе (15.08) Кузьма и Демьян (1.11) Крещение (6.01) — zavetan praznik, Маккавеев день (1.08) — zavetan praznik, Фомин день (первое воскресенье после Пасхи, 6.10), узьма и Демьян (1.07) — lehman praznik (коровий праздник)		После крещения (6.01) — 2 недели
Lück Ogerist Tahkei Tesar	» » » »	Иоанн Богослов (8.05) Введение (21.11) Казанская (8.07) Мефодий (6.04)	» » » »
Масляная Гора (Onđrusk)	Общие с с. Вехручей	Тихвинская (26.06)	После Крещения (6.01) — 2 недели
Ишанино (Isan)	Общие с с. Вехручей	Тихвинская (26.06)	После Крещения (6.01) — 2 недели
Матвеева Сельга (Matfejanselg)	Вознесенье (40 день после Пасхи)		После Михайлова дня (8.11) — 2 недели

Таблица 1 (продолжение)

Поселение	Большие храмовые и заветные праздники	Малые деревенские (часовенские, заветные) праздники	Обычай гостыбы adiv
1	2	3	4
Kal'leine	Трифонов день (1.02)	Ильинская пятница — lehman praznik	»
Dimš	»	»	»
Kirikommattaz	»	»	»
Muiz	»	»	»
Ostasummattaz	»	»	»
Posad	»	»	»
Залесье (Mecantaga)	Иванов день (7.01) Иванов день (24.06), на 2 день — 25.06 — lehman praznik; ванов день (29.08)		После Иванова дня (7.01) — 1 неделя
Posad	»		»
Pust	»		»
S ürd	»		»
Горное Шелтозеро (Mági)	Сретение (2.02), Ильин день (20.07)		После Сретения (2.02) — 2 недели
Naragommattaz	»	Тихвинская (26.06)	»
Kalinansar	»	Воздвижение (14.09)	1 неделя до Николы зимнего — (6.12)

Таблица 1 (продолжение)

Поселение	Большие храмовые и заветные праздники	Малые деревенские (часовенские, заветные) праздники	Обычай гостьбы адів
1	2	3	4
Liipensar	»	Покров (1.10)	После Сретения (2.02) — 2 недели
Ivan sur	»	Покров (1.10)	После Рождества (25.12) — 3 недели
Tihoništ	»	Маккавеев день (1.08)	После Сретения (2.02) — 2 недели
Sürd		Тихвинская (26.06)	»
Шелтозеро (Sotár)	Егорий (23.04, 26.11) 2-й Спас (6.08)		После Егория (26.11) — 2 недели Святки — 2 недели
Alazagd	»	Духов день	»
Deremist	»	Троица, Катеринин день (24.11)	»
Dokuc	»	Никола (9.05, 6.12)	»
Hamamättaz	»	Ильинская пятница	
Markumättaz	»	Казанская (8.07) (крестоход — zavetan praznik)	»
Minamättaz	»	»	»
Ülizagd	»	»	»
Noumancuga	»	Воздвиженье (14.09)	»
Papimposad	»	Тихвинская (26.6)	»
Rozme	»	Медосий (18.12)	»
Kukei	»	Духов день	»

Поселение	Большие храмовые и заветные праздники	Малые деревенские (часовенские, заветные) праздники	Обычай гостыбы адів
1	2	3	4
Kar(a)	»	нет	»
Habukad	»	нет	»
Putkii	»	нет	»
Леонова Сельга (Levonansélg)	Общие с с. Шелтозеро		
Рыбрека (Kalag)	Никола (9.05, 6.12), Васильев день (30.01), пламов день (6.11)		После Николы зимнего (6.12) — 2 недели
Pagast	»	Ильинская пятница — lehman praznik	»
Houdaine	»	»	»
Koirammättaz	»	»	»
Señkammättaz	»	»	»
Kleimeine	»	Скорбящая (25.07) — lehman praznik	»
Ozrei	»	Скорбящая (25.07) — lehman praznik	»
Ropei	»	Воздвижение (14.09) Ильинская пятница — lehman praznik	»
Каккарово (Kakkary)	Общие с с. Рыбрека	День прпп. Зосимы и Савватия (8.08) — lehman praznik	После Николы зимнего (6.12) — 2 недели

Таблица 1 (окончание)

Поселение	Большие храмовые и заветные праздники	Малые деревенские (часовенские, заветные) праздники	Обычай гостыбы адив
1	2	3	4
Mitrei	»	»	»
Iida	»	»	»
Другая Река (Tožegi)	Общие с с. Рыбрека	Смоленская (28.07) — lehman praznik	Святки (2 недели)
Misukveh	»	»	»
Mägoca	»	»	»
Telaorg	»	»	»
Vańkamposad	»	»	»
Zinkveh	»	»	»
Каскесручей (Kaskeza)	Успенье (15.08) Медосьев день (18.12)		После Медосьева дня (18.12) — 2 недели
Kaskez	»	Казанская (8.07) — lehman praznik	»
Kiitas	»	Кириков день (15.7) — lehman praznik,	»
Suvagd	»	Владимирская (23.06) — lehman praznik	»
Гимрека (Hindög)	Антоний Римский (17.01) Рождество Богородицы (8.09)	Ильинская пятница — lehman praznik	
Володарская (Kukagd)	Общие с с. Гимрека	Ильинская пятница — lehman praznik	
Урицкая (Pervakad)	Общие с с. Римрека	Ильинская пятница — lehman praznik	

поедешь» (Щербакова П. К., Рыбрека); «Где были родные, приезжала. А теперь и родни не знают, а тогда хорошо было» (Матвеева О. М., Матвеева Сельга); «С мамой в Другую Реку ездила к бабушке и дедушке. Потом они умерли, так больше уже там не были» (Кильпилайнен Е. А., Каскесручей) и т. д. Исключение из этого правила составляли только нищие, приходившие из любых мест в дома во время праздника. Им выносили угощение, иногда сажали за праздничный стол. В основе этого обычая лежало древнее представление о нищих как о заместителях умерших. Считалось, что умершие продолжают принадлежать данному роду и встречаются с ним во время праздника⁵.

«Гостьба» по родству в храмовые праздники была распространена и у карел. Существуют источники XVI в., в которых упоминается о родовых празднествах, распространенных по всей территории Карелии, на которые исключался приход гостей, не представляющих данный род⁶. Эти факты позволяют предположить, что храмовые праздники впитали от прежних родовых празднеств прибалтийско-финских народов их древнюю организацию, основанную на родовом принципе. В отличие от вепсов и карел, в некоторых русских районах круг гостей на престольных праздниках не замыкался только родственниками. В Сибири, например, на съезжие, т. е. престольные, праздники «могли являться местные служилые, мещане, священники, ссыльные поселенцы, случайные проезжие, коренные нерусские жители, — всех их ожидало соответствующее возможностям хозяина дома угощение»⁷.

Вплоть до 30-х годов XX в. у прионежских вепсов сохранялось множество неразделенных семей, объединяющих одновременно три или четыре поколения, например хозяина и хозяйку, родителей хозяина, хозяйских сыновей с женами и детьми. Такие семьи насчитывали иногда более 30 человек. Если подобная семья имела к тому же в соседних селениях многочисленную родню, то празднование «престола» в ней выливалось в грандиозный «съезд» целого рода. Так, И. Т. Беляева из с. Матвеева Сельга рассказывала: «Вознесенев день — праздник на Матвеевой Сельге. Народу было! В избе полно гостей. С Рыбреки, с Шокши приедут. А потом Михайлов день тоже здесь праздник. Так в наш дом только 15 лошадей с подводами приезжало и все своя родня. С Вехручья приедут, с Шокши приедут, с Конца приедут. Все свои: племянники, сестры... У мамы было много племянников в Шелтозере, так из Шелтозера пять лошадей приедет».

Храмовый праздник обычно длился два дня. Гости приезжали накануне праздника вечером и устраивались в домах своих родных. Распорядок каждого праздничного дня был следующим: завтрак, посещение церкви, обед, гуляние, с перерывами на полдник и ужин; а также молодежные беседы, если праздник приходился на период от Покрова до Великого поста. Утром с рассветом домочадцы и гости получали завтрак — это было чаепитие с разнообразной выпечкой — и под звон колоколов отправлялись в церковь к заутрени, которая у прионежских вепсов носила название *homesliižensiižund* (букв. «утренние стояния»). По окончании заутрени был небольшой перерыв, во время которого праздничная толпа прогуливалась около церкви. Далее следовала обедня (*longeližensiižund*) — «обеденные стояния», оканчивающаяся в 12 часов. После обедни все расходились по домам. Начинался кульминационный пункт праздника — обед. Взрослые и молодежь усаживались в горнице за длинные столы, расставленные параллельно друг другу и накрытые лучшими белыми скатертями с красной вышивкой по краям. Хозяева, у которых дочь была на выданье, внимательно следили, как садятся гости. Если первым за стол садился мужчина, значит, девушка будет «иметь почет» у парней на празднике. Присутствие детей за праздничным столом не было принято; их хозяйка кормила на кухне отдельно от всех.

Праздничный обед был всегда обильным, его блюда подавали в традиционном порядке. Он начинался с рыбника, который ели с овсяными блинами, намазанными ячневой кашей. Затем на каждый конец стола подавался суп в двух расписных мисках; присутствующие черпали его деревянными ложками. После супа хозяйка приносила на специальных деревянных блюдах (*tell*) суповое мясо,

разрезанное на мелкие куски. Гости брали мясо вилками и ели его, закусывая овсяными блинами либо сканцами, намазанными ячневой кашей (sulcnad) или толокном (skancad)⁸. Далее подавалась яичница (munapirg) или картофельная запеканка (rädovik) с молоком или простоквашей. Покончив с обедом, гости приступали к чаепитию с разнообразными выпечными изделиями — калитками, колобами, ватрушками. В последнюю очередь, отдельно от остальной выпечки, к чаю выносили деликатес тех времен — белый сдобный хлеб (nižunik или terplik). Его значимость в прошлом пожилые информанты отмечали следующим образом: «Теперь мы булку каждый день едим, а тогда только по праздникам». В знак завершения пиршества подавали густой овсяный или клюквенный кисель, который присутствующие ели, запивая репным квасом (suloi). Примерно такой же порядок подачи блюд на большом празднике — от рыбника до киселя — был известен у карел и русских Заонежья⁹.

В деревнях северных вепсов на храмовые праздники не готовили пива, в отличие от соседнего русского, ижорского, водского и южновепского населения, у которого «престолы» сопровождалась пивными братчинами¹⁰. У северных вепсов пиво (от 50 до 60 ведер) готовили только к свадьбам. Варкой этого напитка обычно занимались пивовары, ходившие по северновепским деревням и предлагавшие свои услуги населению. Т. А. Бернштам отмечала снижение роли пива на больших праздниках и исчезновение названия «пивной праздник» также в некоторых районах Русского Севера, что, по ее мнению, было связано с нехваткой хлеба у местного населения¹¹.

Употребление водки и вина во время праздничного застолья было чисто символическим. Мужчина и парни выпивали по одной-две рюмки, а женщины — вообще не пили. Только во время свадеб замужним женщинам разрешалось выпить по одной рюмке вина.

После праздничного обеда начиналось гуляние (gulänk). Под ним понималось, во-первых, размеренное хождение празднично одетых людей, в основном парней и девушек, отдельными шеренгами, следующими друг за другом, под пение песен и игру на гармони на виду у остальных жителей села; и, во-вторых, игрище, во время которого пели и плясали. Для обозначения игрища иногда употреблялось отдельное понятие — igrist.

Движение праздничной толпы имело различные направления: «челночное» — например, из одного конца деревни в другой и обратно; «круговое» — вокруг какого-либо объекта (церкви, часовни и т. д.). Тут же, в некотором отдалении от шеренг образовывались кружки людей, в которых плясали и пели.

Гуляния делились на осенне-зимние (от Покрова до Великого поста) и весенне-летние (от Пасхи до Покрова), длительность которых зависела от величины светового дня. Праздники, приходившиеся на Великий пост, проходили без гуляний и песен. Гуляния различались не только по времени, но и по месту проведения. По сравнению с весенне-летними осенне-зимние гуляния имели меньшую территорию. Местом проведения последних, как правило, была главная улица села. В весенне-летнюю пору территория гуляний расширялась: они проходили не только на улицах, но и на площадях у церквей и часовен, а также в традиционных местах за селом — на мосту, на дороге, на пожне, на горе, на берегу Онежского озера и т. д. Эти места имели определенные названия. Например, casuupriid (букв. «часовенское поле») — живописная поля — на около церкви в с. Каскесручей; поле sorgdone (рус. «изгородь из сваленных деревьев») в с. Вангимова Сельга; заброшенная полоса ruustpolost (букв. «пустошь-полоса») в с. Шокша; пригорок ресеі в с. Верхручей. В д. Житноручей (Рыбрека) весенне-летние гуляния проходили на месте под загадочным названием сиигушка, представляющем собой горку, на которой располагалась часовня. По рассказам информантов, название сиигушка произошло от чурых камней (сuurkivud), т. е. дресвяных камней, которых было много в этом месте. Как известно, камень-дресвяник в прошлом играл важную роль оберега в календарной, родильной и похоронной обрядности прионежских вепсов и карел¹². Этнографы приводят множество фактов из куль-

тур различных народов, свидетельствующих о постоянной связи мест игрищ с прежними языческими святилищами. Так, карелы и финны долго сохраняли традицию устраивать игрища в местах, связанных и древними религиозными культурами, в которых впоследствии были воздвигнуты церкви и часовни¹³. Возможно, место скопления дресвяных камней *Šuugis'ka* в далеком прошлом также было языческим святилищем, на котором позже была построена православная часовня.

Если храмовый праздник приходился на период святок или на начало заговенья (от Крещения до Масленицы) — время массового устройства свадеб, то его гуляние превращалось в публичные смотрины и выбор невест — *valic'uz mi'z'aimed*. На них было принято съехавшимися из разных деревень зрителями обсуждение вслух внешних данных, нарядов и характеров девушек на выданье. Описание таких смотрин в с. Залесье на Иванов день (7.01) было сделано Д. М. Пушкиным: «Стоявшая по сторонам толпа смотрела и любовалась, как молодежь шеренгами прогуливалась взад и вперед, взад и вперед по деревенской улице: бравые краснощекие парни; здоровенные на вид девицы, кроме своей подлинной красоты, еще с накрашенным искусственным румянцем, извлеченным из водорослей, при праздничном нарядном одеянии. Тут в открытую, без всякого стеснения, старики, в особенности старушки, показывали рукавицей: „Вот красивая-то; вот румяная-то; уже может работать сохой, работница боевая“. А другой старик скажет: „Вот такой-то парень думает жениться на такой-то. Пожалуй, у них выйдет дело“»¹⁴.

Объектом внимания гулявшей на храмовые праздники публики были также торговые ряды, установленные вдоль главной улицы села или на площади у церкви. У многих народов торговля издавна соединялась с церковными праздниками, ибо последние вызывали большое скопление народа¹⁵. На территории вепского Прионежья торги и престолы были небольшие: сюда съезжались в основном купцы из ближайших поселений, а также из Вознесенья и Петрозаводска. Информанты до сих пор помнят фамилии местных лавочников, приезжавших торговать на храмовые праздники: Герчины и Котомкины из Матвеевой Сельги, Фадеевы и Мошкины из Шелтозера, Бутылкины из Горного Шелтозера, Гонговы из Залесья и т. д. В ассортимент продаваемых изделий входили главным образом сладости, мучные изделия, украшения, ткани, одежда и обувь.

На большие торги — ярмарки, где можно было купить все необходимое в крестьянском хозяйстве, — прионежские вепсы ездили за пределы своей территории. Ближайшим к ним торговым селом было Вознесенье на р. Свирь, где проводилась Покровская ярмарка (1.10). Значительно реже прионежские вепсы ездили на Афанасьевскую ярмарку (18—28.01) в с. Ошта. На эти ярмарки стекались продавцы и покупатели из городов и сел Олонецкой, Санкт-Петербургской, Новгородской и Вологодской губерний. Вознесенье и Ошта становились также на несколько дней узлом торговых связей между этнолокальными группами вепского этноса — прионежскими, шимозерскими и оятскими вепсами¹⁶. Но если исключить Вознесенскую и Оштинскую ярмарки, то прионежские вепсы жили довольно изолированно от остальных вепских групп, не общаясь с ними на других праздниках, как это было, например, между вепсами Ояти и Шимозера, Капши и Лиди.

Следующая довольно значительная ярмарка, посещаемая прионежскими вепсами, проводилась три дня в с. Остречины в храмовый праздник Рождества Богородицы (8.09). Среди ярмарок, расположенных севернее Прионежья, следует назвать Петровскую (29.06) в г. Петрозаводске и Крещенскую (6—18.01) и Благовещенскую (25—30.03) в с. Шунье. В Шугу вепсы ездили в основном покупать лошадей.

В конце XIX — начале XX в. в экстерьер городских и сельских больших ярмарок с многочисленными торговыми палатками и трактирами обязательно входила карусель¹⁷. В начале XX в. под влиянием города такая карусель

появилась в вепсских поселениях Прионежья, став неотъемлемой принадлежностью гуляний на храмовых праздниках. Карусель была приобретена лавочником из с. Залесье, который привозил ее на лошадях к каждому храмовому празднику, отмечаемому в очередном вепсском поселении. В катании на карусели за деньги участвовало все население: дети, молодежь, взрослые. В те времена привоз карусели был значительным событием в жизни вепсской деревни, поэтому, наверное, нам не встретилось ни одного информанта, который бы в своих рассказах не вспомнил о них. Карусель оставалась любимым развлечением населения на престольные праздники вплоть до 30-х годов XX в.

В осенне-зимний период народного календаря вепсов, длившийся от Покрова до начала Великого поста, народные гуляния на престольные праздники всегда сменялись посиделками молодежи в одном из домов селения. У прионежских вепсов такие сборища носили названия *besed* (беседа) или *besedsija* (букв. «беседное место»), образованные от русского слова «беседа», обозначающего аналогичные молодежные встречи. Следует заметить, что беседы не были исключительной принадлежностью только престольного праздника. Они заполняли и каждый будничные вечер молодежи в период от Покрова до Великого поста, кроме суббот и канунов праздников. Главным отличием будничных бесед от праздничных являлась обязательная работа девушек: прядение, реже шитье или вышивание, которые чередовались с танцами, песнями, играми, шутками с неизменным участием парней. Праздничные беседы имели чисто развлекательный характер; работа на них считалась грехом.

В отличие от будничных бесед, организацией которых, как правило, занимались девушки, устройством праздничных бесед, или, как их еще называли, вечеров, заведовали парни. Важным моментом в проведении бесед являлось обеспечение их помещением. У прионежских вепсов, как и у остальных вепсских групп и русского населения, беседы обыкновенно происходили в нанимаемых на весь осенне-зимний период избах или по очереди в домах девушек.

В каждой северновепсской деревне существовало два вида бесед: подростковые — *peñed besedad* («маленькие беседы») и молодежные — *suřed besedad* («большие беседы»). Посещение подростковых бесед, как правило, начиналось с 10 лет, а молодежных — с 15—16. На подростковых беседах девочки и мальчики подражали старшим: девочки занимались рукоделием, а затем плясали с мальчиками кадрили и играли.

На рубеже XIX—XX вв. среди танцев на беседах у вепсской молодежи основное место занимало исполнение кадрили (*kadřil*). Известный хореограф Карелии В. В. Мальми зафиксировала у прионежских вепсов три варианта кадрили: «шокшинскую» и «шелтозерскую», в которых участвовало четное число пар, чаще всего четыре пары; а также «шестерку», в которой танец исполняли шесть человек — двое парней и четыре девушки, разбившихся на две тройки¹⁸.

Исполнению кадрили предшествовало приглашение. По традиции на первую кадрили девушку всегда приглашал двоюродный брат, и только после этого весь оставшийся вечер она могла танцевать с другими парнями. Часто перед кадрилию проводилась игра *kelik*, которая корректировала дальнейшие приглашения на танец. Во время этой игры на середину беседной избы выходила девушка и по имени-отчеству называла парня, который ей нравился. Обращение молодежи друг к другу по имени и отчеству являлось характерной чертой игровой этики не только вепсов, но и русских¹⁹. Вызванный парень и девушка, взявшись за руки, важно проходили мимо сидящей на лавках молодежи и усаживались вместе. То же самое проделывали все остальные девушки. На следовавшую за келиком кадрили парни обязаны были приглашать тех девушек, которые вызывали их к себе. Отказ парня от такого приглашения считался позором для девушки. В. В. Мальми записала в с. Шокша другой вариант келика, представляющего собой игровой танец: «Под звуки балалайки выходила девушка. Пританцовывая, подходила к юноше, которому симпатизировала, кланялась, приглашая на танец. Тот вставал,

она прокручивала юношу, держа за плечи. Затем оба садились на место»²⁰. Таким образом, келик на северновепсской беседе представлял собой своеобразный «белый» танец, дающий возможность девушке выразить свои симпатии к определенному парню.

Иногда в перерыве между исполнением многочисленных кадрили молодежь играла в жмурки (*bukal vänd*). Парню и девушке завязывали глаза, разводили в разные концы беседной избы и раскручивали. Они должны были найти друг друга. Если им удавалось это сделать, то они образовывали пару в следующей кадрили. За ними играли следующие участники²¹.

Во время бесед молодежь исполняла и такие танцы, как *blanc*, *ÿin*, *krakoväk*, *korobocki*, *poika*, *vals* (ср. русские названия: *лансье*, *шин*, *краковьяк*, *коробочки*, *полька*, *вальс*), которые появились в вепсской среде под влиянием города и соседнего русского населения.

С зимними престольными праздниками у северных вепсов был связан обычай длительной «гостьбы» девушек, в основном племянниц, у своих родственников (чаще всего по материнской линии) под название *adiv*. Слово *adiv* в вепсском Прионежье означало также «гостя вообще», «девушку, длительно гостившую», «невесту», «возлюбленную»²². Согласно обычаю, накануне зимнего престольного праздника своего селения дядя или двоюродный брат девушек на санях объезжал соседние деревни, где проживали его молодые родственницы, и забирал их к себе погостить на две-три недели. По истечении срока «гостьбы» за девушками приезжал отец или брат и отвозил их обратно домой. Каждая девушка брала с собою в поездку узел с несколькими праздничными нарядами, так как хождение ее в одном платье во время гостьбы осуждалось населением; а также же прялку с куделью для работы. Такая гостьба была замечательным периодом в жизни девушки. Она получала возможность участвовать в гуляниях, праздничных и будничных беседах с новым для нее молодежным составом, расширяющим круг для выбора ею суженого.

Собравшись по пять и более человек в одном доме, девушки в дневное время помогали хозяйке в различных нетрудовых работах: мыли полы по субботам, носили дрова и воду. Во время некоторых из этих работ происходило общение парней и девушек, полное различных шуток и озорства. Так, излюбленной шуткой местных парней было выливание у гостивших девушек наполненных водою ведер и ушатов. В результате набирание воды происходило несколько раз и занимало продолжительное время, в течение которого появлялась новая возможность для проявления личных симпатий.

В северновепсских поселениях традицией было выработано точное «расписание» приема девушек-родственниц. Так, в с. Матвеева Сельга прием начинался с престольного праздника Св. Михаила (8.11), в Шелтозере — с Егория осеннего (26—11), в Горном Шелтозере со Сретения (2.02), в Рыбреке и Каккарово — с Николы зимнего (6.12), в Каскесручей — с Медосьева дня (18.12) и т. д. и продолжалось две-три недели (табл. 1). Кроме этих периодов, начинавшихся с храмовых праздников, в селах Шелтозеро, Горное Шелтозеро и Другая Река временем праздничной гостьбы молодых родственниц были также святки. Так, по выражению информанта О. М. Матвеевой, «вся зима у девушек проходила в гостях». По этому поводу И. Т. Беляева рассказывала о себе: «Домой из гостей приду, ночь ночую, потом к сестре на неделю. Один год десять недель в гостях была по своему роду! Три ночи только дома ночевала и десять недель гостила! Ездил к сестре, к другой, к теткам, к бабкам, к брату. В Вехручье нас соберется у тетушки десять девок и всех кормят как некрутов (рекрутов. — И. В.). А вечером тетка скажет: „Давайте быстрее девок кормить, их надо отправлять на вечер“. В Вехручей ездил в Крещение и неделю гостила или две. Еще две недели пройдет, в Шокше две недели гошу на Петровей²³ — деревенский праздник. Потом Иванов день — в Залесье».

У средних и южных вепсов также существовал обычай праздничной «гостьбы»

девушек. Но у них не было зафиксировано связанных с ним четких общественных норм — гостьбы только по родству, специальной поездки дяди или двоюродного брата за девушками, запрета трудоемкой работы в гостях, чрезмерно уважительного отношения к молодым гостям («как к некрутам»). Обычай девичьей гостьбы, аналогичный северновепсскому, под таким же названием — *atıvo*, *adıvo* (с. к.); *adıvo* (лив.); *adv*, *adiv* (люд.) — был известен и у карел²⁴. В отличие от северных вепсов и карел, у русских девичья гостьба осуществлялась чаще всего на основе дружеских, а не родственных связей; поэтому и в поездку за девушкой в другое селение отправлялась ее подруга или родственница-сверстница, а не родственники мужского пола²⁵.

У. С. Конкка, исследовавшая данный обычай у карел, пришла к выводу, что он представлял собой в прошлом своеобразный «институт» межродового характера, имевший непосредственное отношение к браку²⁶.

Обычай *adiv*, беседы, гуляния, смотрины невест и игрища, являвшиеся неотъемлемым компонентом престольного праздника, открывали широкие возможности для знакомства вепских парней и девушек, впоследствии приводившие к заключению браков. Закономерно поэтому, что подавляющее большинство наших информантов, молодость которых приходилась на годы, предшествующие коллективизации, когда еще существовали названные брачные институты, местом встречи с будущим супругом или супругой называло праздники и связанные с ними компоненты.

Итак, как показало исследование, в прошлом значение престольных праздников в жизни прионежских вепсов было огромно. В конце XIX — начале XX в. они представляли собой сложные институты, одновременно контролирующие на северновепсской территории этнические, религиозные, хозяйственные, торговые, родственные и брачные отношения. Будучи церковными по происхождению, храмовые праздники вобрали в себя многие элементы древних народных традиций, которые проявились в таких праздничных компонентах, как обычаи и обряды гостьбы, трапезы, гуляний, посиделок.

В настоящее время даты престольных праздников, отмечаемых в северновепских поселениях, знают только жители старшего поколения. По их инициативе в некоторых семьях отмечается в виде застолья тот или иной храмовый праздник села. Престольные праздники полностью утратили церковные ритуалы, некогда придававшие им особую торжественность.

* * *

Интенсивное разрушение традиционной праздничной системы у прионежских вепсов началось в 20—30-е годы в связи с коллективизацией и антирелигиозной борьбой, проводимой партийными, советскими работниками и некоторыми местными жителями. Проводя атеистическую пропаганду и агитацию среди населения, они против желания верующих закрывали церкви и переоборудовали их под хозяйственные склады или клубы, разрушали часовни. В результате многочисленные культовые памятники, имевшие архитектурную и историческую ценность, являвшиеся некогда центрами праздничной жизни и проведения досуга населения, оказались разрушенными. В 30-е годы борьба с религией приняла более ожесточенные формы. Именно в эти годы, как свидетельствуют рассказы северновепских жителей, многие представители сельского духовенства были репрессированы. С этого времени из северновепских поселений исчезла такая социальная фигура, как священник; прекратили существование многие праздничные обряды, исполняемые духовенством. Люди, отмечавшие церковные праздники, подвергались гонениям и штрафам.

Завершение ломки старой системы праздников происходило в конце 50-х — 70-е годы в связи со значительной миграцией вепского сельского населения в города. Миграция охватила все возрастные группы крестьянства, но особенно сильной она оказалась среди молодежи 20—29 лет²⁷. В 60—70-е годы — во время

ликвидации множества «неперспективных» деревень — отток вепского сельского населения, главным образом молодежных возрастов, усилился. По данным 1983 г., доля молодежи 16—29 лет в сельских советах с северновепским населением составила 22,8%²⁸. Эти данные свидетельствуют о нарушении межпоколенной ретрансляции традиционной, в частности праздничной, культуры. Народные праздники, веками передававшиеся из поколения в поколение, в 30-е годы существенно изменились, а начиная с конца 50-х годов не находили своих новых носителей в лице молодежи. В настоящее время довольно мало парней и особенно девушек проживает в северновепских деревнях. Наблюдается, по выражению социологов, «диспропорция полов» — избыток женихов и дефицит невест, — которая ведет к проблемам создания семьи, чего не наблюдалось в традиционном обществе с отлаженными брачными институтами.

С исчезновением многих северновепских поселений (Габшема, Крюкова Сельга, Залесье, Масляная Гора, Урицкая, Ржаное Озеро, Вангимова Сельга, Горное Шелтозеро и др.) утратились и прежние праздничные связи.

Пожилые жители в беседах со мною всегда высказывали сожаление об исчезнувших традиционных праздниках, подчеркивали их мудрость, целесообразность и красоту. Особенно негативное отношение у них сейчас вызывает пьянство. Приведу одно из типичных рассуждений по этому поводу О. М. Матвеевой: «Раньше, помню, к папе приезжали племянники на праздник, так им по рюмочке нальют и все, по одной рюмочке. Как-то не было принято, и не хотели и противно было. Раньше, если бы парень пришел пьяный на беседу, ни одна бы с ним девушка не пошла танцевать кадешку. Вообще весело проводили праздники. Пусть как угодно, а время было веселее, чем сейчас. Что сейчас праздники эти? Нальются, расскандалятся!».

Современный календарь, по которому живет северновепское население, скуден праздниками, в которых к тому же отсутствуют яркие зрелищно-развлекательные компоненты. Он содержит, помимо воскресных дней, государственные праздники (праздник Октябрьской революции, Новый год, 8 марта, Первое Мая, День Победы); слабо сохранившиеся неофициальные традиционные праздники церковного происхождения и, начиная с 1987 г., фольклорные. Последние устраиваются работниками культуры ежегодно в летнее время в одном из северновепских поселений. Фольклорные праздники могли бы сыграть важную роль в возрождении вепского этноса, стать в сознании народа ценностью, «подтверждающей ее культурную тождественность, приверженность традициям, наследию, доказательством обладания собственными национальными достижениями искусства, обнаруживающими себя именно в праздничной форме»²⁹. Но пока далеко не все бывает успешным в проведении фольклорных праздников: сценарии часто пишутся без знания вепских национальных и локальных традиций; мало звучит вепская речь; часты бывают сбои в организации транспорта, торговли, рекламы и т. д. Организаторам праздника трудно учесть каждую мелочь в его композиции. Видимо, инициатива в проведении праздника, в обрядотворчестве должна исходить не только «сверху», но и «снизу» — из среды самого народа. Но в любом случае главным условием в возрождении старых и создании новых праздников является знание вепских традиций общего и локального характера как со стороны работников культуры, так и со стороны местных жителей.

В 1983 г. было проведено первое и пока единственное массовое обследование вепского сельского населения с целью изучения его современной этнокультурной ситуации (рук. З. И. Строгальщикова)³⁰. Среди статистических материалов, полученных в ходе экспедиции, были и данные, позволяющие судить как о реальном бытовании традиционных обрядов и праздников, так и о глубине народной памяти о них³¹. Других сведений по этим вопросам не существует.

С большим сожалением следует констатировать, что о традиционных праздниках и обрядах своего народа знает хорошо совсем небольшой процент вепского сельского населения — 6,9% и больше четверти жителей (27,6%) имеет о них ясное представление. Подавляющую часть вепского этноса составляют

Знание традиционных праздников в зависимости от места жительства информантов (%)

Уровень знания	Северные вепсы	Средние вепсы Вологодской обл.	Средние вепсы Ленинградской обл.	Южные вепсы
Не знает	34,4	19,1	22,8	14,1
Слабо знает	34,7	13,2	37,2	43,2
Имеет ясное представление	23,0	41,2	39,1	42,3
Очень хорошо знает	9,9	26,5	0,9	1,3

люди, совсем не знающие обряды и праздники (31,2%) и знающие их слабо (34,3%). Степень знания традиционных праздников несколько различается в этнолокальных вепских группах (табл. 2). Самыми сведущими в вопросах традиционной праздничной культуры оказались вепсы Вологодской обл.: 67,7% жителей очень хорошо знают праздники и обряды и имеют о них ясное представление. Примерно одинаков уровень информированности у южных вепсов и вепсов Подпорожского и Тихвинского р-онов Ленинградской обл. (соответственно 43,6%). Меньше всего знающих праздничный календарь и связанную с ним обрядность у северных вепсов (30,9%).

На знание традиционных обрядов и праздников, безусловно, оказывает влияние возраст: чем старше возрастная группа, тем выше в ней уровень информации о культурной традиции (табл. 3). Волне понятно, что самыми знающими традиционные праздники оказались представители пожилого возраста — 70 лет и старше. За ними идет группа 65—69 лет. Это свидетельствует о том, что главным источником знания опрашиваемых являлись личное наблюдение и непосредственное участие в праздничной жизни. С уменьшением возраста постепенно убывает и число лиц, знающих старые обряды и праздники. Интересно, что резкий разрыв в знании традиционного календаря наблюдается между тридцати- и сорокалетними людьми (табл. 3); если в возрастной группе 40—44 лет еще примерно каждый четвертый имеет ясное представление об этой области традиционной культуры, то среди лиц моложе сорока лет таких представителей практически нет, а доля очень хорошо знающих праздники и обряды в этих группах равна нулю. Это факт нам кажется вполне объяснимым. 35—39-летние информанты — самая старшая из незнающих традиционные праздники возрастная группа. Они родились в военные и послевоенные годы. В конце 50-х годов им было 10 и более лет — возраст, когда человек уже в состоянии запоминать события, которые происходили вокруг него, в частности праздники и обряды. Именно в конце 50-х годов, как говорилось выше, происходило резкое разрушение праздничной традиции в связи с ликвидацией «неперспективных» деревень и массовым переселением вепсов в другие села и города.

Возраст опосредованно влияет и на соотношение таких взаимосвязей, как знание и пол информантов, знание и образование. По материалам массового обследования 1983 г., среди женщин значительно больше, чем среди мужчин, имеющих ясное представление о традиционных праздниках и почти в три раза больше среди них подлинных знатоков этой области культуры (табл. 4). Однако здесь следует учитывать половозрастной состав современного вепского населения: женщин намного больше в пожилых возрастах и меньше среди молодежи.

Рассмотрим далее связь уровня информированности с образованием опрошенных. Как выяснилось, лучше всего знают у вепсов традиционные праздники информаторы, имеющие начальное образование (табл. 5). За ними идут лица, состоящие в группах неграмотных и малограмотных. Но, как известно, в вепской сельской среде люди без всякого образования, малограмотные и имеющие начальное образование, — это обычно представители старших возрастов.

Таблица 3

Знание календарной обрядности в зависимости от возраста информанта (%)

Степень знания	18—	25—	30—	35—	40—	45—	50—	55—	60—	65—	70 и	Всего
	24	29	34	39	44	49	54	59	64	69	ст.	
Не знает	63,3	60,0	51,1	38,1	27,7	28,8	18,6	27,2	15,3	2,9	2,7	31,2
Слабо знает	34,2	33,8	42,6	57,1	48,9	40,7	46,5	42,4	36,1	34,3	8,7	34,3
Имеет ясное представление	2,5	6,2	6,4	4,8	21,3	30,5	32,6	26,1	38,9	54,3	65,3	27,6
Очень хорошо знает	0,0	0,0	0,0	0,0	2,1	0,0	2,3	4,3	9,7	8,6	23,3	6,9

Таблица 4

Знание традиционных праздников в зависимости от пола информанта (%)

Уровень знания	Мужчины	Женщины
Не знают	33,2	23,2
Слабо знают	39,8	29,8
Знают	23,4	37,5
Очень хорошо знают	3,6	9,5

Таблица 5

Знание традиционных праздников в зависимости от образования информанта (%)

Уровень знания	Образование								
	Неграмотные	До 2 кл.	3—4 кл.	5—6 кл.	7—9 кл.	10—11 кл.	Профессионально-техническое	Среднее специальное	Высшее, незаконченное высшее
Не знают	1,4	1,4	10,6	13,0	22,6	27,4	13,0	9,6	1,0
Слабо знают	3,1	3,5	18,2	15,5	25,2	15,5	8,1	8,9	1,9
Имеют ясное представление	23,4	17,0	27,2	9,4	13,6	3,4	3,0	3,0	0,0
Очень хорошо знают	23,1	26,9	30,8	1,9	7,7	7,7	0,0	1,9	0,0

Таким образом, материалы массового обследования показали, что в настоящее время основными хранителями знаний о праздничной культуре вепсов являются, как правило, люди преклонного возраста, главным образом, женщины. Многие из них совсем недавно переехали в города, но по-прежнему помнят старые праздники, с которыми у них обычно связаны светлые воспоминания в жизни, и любят о них рассказывать. К сожалению, с каждым годом уменьшается число таких людей. Обидно, если их ценные знания навсегда уйдут в прошлое и не останутся в будущей жизни вепского этноса. Поэтому при разработке новых фольклорных праздников следует широко использовать информацию, советы и рекомендации старожил. Вновь создаваемые вепские фольклорные праздники не

должны выглядеть скучными и безвкусными мероприятиями, искусственно слепленными из разноэтнических элементов и чуждыми местным традициям. Возрождению подлежат такие праздничные компоненты, как беседы, гуляния, игры, песни, танцы, блюда вепсской кухни. Большое значение в новых праздниках могла бы иметь гостьба. Автор имеет в виду не только традиционную гостьбу между вепсами близлежащих сел и деревень, но и между жителями северных, средних и южных вепских поселений, которая бы объединяла вепскую территорию, разделенную административными границами, помогала бы вепсам разных мест, особенно молодежи, знакомиться друг с другом, крепила бы их национальное единство и самосознание. В 1991 г. эта идея была прекрасно воплощена на фольклорном празднике в с. Гимрека. Однако организаторы праздника не продумали вопроса о транспорте и местах размещения желающих приехать на трехдневное торжество. Как показало наше исследование, в старой традиции вепсы не испытывали трудностей в средствах передвижения, праздничном ночлеге и питании. Они приезжали на праздник на лошадях, в дома своих родственников. В настоящее время мы имеем дело с другой ситуацией. В городах и поселках проживают много вепсов, у которых давно оборвались родственные связи с родным поселением, но которые хотели бы побывать на празднике и посетить родные места. Надо помочь им сделать это.

Наряду с вновь создаваемыми фольклорными праздниками возможно возрождение и многих традиционных праздников церковного происхождения, в том числе и престольных, объявленных когда-то «пережитками». Для этого им нужно вернуть утраченный «церковный» компонент. Местным властям и комиссиям по культуре следует оказать помощь в восстановлении северновепских церквей и организации в них хотя бы эпизодической церковной службы. Ведь, как пишет Л. А. Тульцева, «нашему обществу, остро переживаемому духовно-нравственный кризис, так сегодня не хватает этих самых „пережитков“, того рационального и демократического, что выработалось в старинных, в том числе и престольных, праздниках: это традиция семейно-родственных встреч и гостеваний (что способствует укреплению семьи), стремление собраться хотя бы раз в году всей семьей в отчем доме (что поддерживает такие гуманные чувства, как взаимоуважение, любовь и сострадание к старикам-родителям), массовые гуляния и т. п.»³²

Примечания

¹ Пространство как критерий классификации праздников был предложен К. Жигульским. См.: Жигульский К. Праздник и культура. М., 1985. С. 62.

² Все даты даются по старому стилю. Подробнее об этом празднике см.: Винокурова И. Ю. К реконструкции древневепского верховного бога Юмоу // Уральская мифология. Сыктывкар, 1992. С. 17—22.

³ Винокурова И. Ю. Вепские заветные праздники охраны скота // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 119—130.

⁴ Муллонен И. И. Ойконимия прионежских вепсов // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1988. С. 65.

⁵ Листова Н. М. Пицца в обрядах и обычаях // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 161—173.

⁶ Духовная культура сегозерских карел. Л., 1980. С. 99.

⁷ Миненко Н. А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. // Советская этнография (далее — СЭ). 1979. № 6. С. 23.

⁸ У прионежских вепсов для сканцев существовало два названия, различавшихся по виду начинки: сканцы с начинкой из ячменной каши носили название *šulšpađ*; а с начинкой из толокна, замешанного на сметане, — *skancad*. У карел название аналогичного блюда различалось по диалектам: *šulšpa* (сев. кар.), *skancsu* (лив., люд.). См.: Никольская Р. Ф. Карельская кухня. Петрозаводск, 1986. С. 106.

⁹ Никольская Р. Ф. Пицца и кухонная утварь // Материальная культура сегозерских карел. Л., 1981. С. 138—178; Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. С. 114—130.

¹⁰ Сборник материалов об артелях в России. СПб., 1876. Вып. 2; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 132—146; Haavio M. Heilige Heine in Ingermanland. Folklore Fellows Communication (далее — FFC), N 189. Helsinki, 1963. S. 94—96;

Sarmela M. Resiprocity systems of the rural society in the Finnish—Karelian culture area. With special reference to social intercourse of the youth. Helsinki, 1969. FFC. № 208. S. 32.

- ¹¹ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. XIX—XX вв. Л., 1988. С. 217.
- ¹² Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX — начало XX в.). СПб., 1994. С. 53.
- ¹³ Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Л., 1977. С. 49.
- ¹⁴ Архив Карельского научного центра. Ф. I. Оп. I Колл. 105. (№ 1). Л. 6 (полевые материалы автора).
- ¹⁵ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 554.
- ¹⁶ Малиновская З. П. Материалы по этнографии вепсов//Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 189.
- ¹⁷ Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. Л., 1984. С. 5.
- ¹⁸ Мальми В. В. Народные танцы Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 105, 110—113.
- ¹⁹ Громыко М. М. Указ. раб. С. 248.
- ²⁰ Мальми В. В. Указ. раб. С. 104.
- ²¹ Мальми В. В. Народные игры Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 102.
- ²² Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972. Л. 20; Винокурова И. Ю. Календарные обычаи... С. 41.
- ²³ Петровей — название зимнего праздника Петрова дня (16.01).
- ²⁴ Сурхаско Ю. Ю. Указ. раб. С. 202.
- ²⁵ Громыко М. М. Указ. раб. С. 239.
- ²⁶ Духовная культура сегозерских карел. С. 14.
- ²⁷ Бирин В. Н. Демографическая ситуация у вепсов Карелии в 1950—1970-е годы//Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 48—49.
- ²⁸ Строгальщикова З. И. Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепской народности//Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 36.
- ²⁹ Жигульский К. Указ. раб. С. 86.
- ³⁰ Всего было опрошено 756 человек. Выборка соответствовала реальному половозрастному составу вепского сельского населения и составила в Карелии — 22,8%, в Ленинградской и Вологодской областях — 10,4% от общей численности вепсов от 18 лет и старше.
- ³¹ Знания оценивались по шкале: 1. Не знает. 2. Слабо знает. 3. Имеет ясное представление. 4. Очень хорошо знает//Строгальщикова З. И. Этнографический вопросник. Петрозаводск, 1983. С. 32—33.
- ³² Тульцева Л. А. Традиционные верования, праздники и обряды русских крестьян. М., 1990. С. 55.

Patronal festivals of the Northern Vepsians: traditions and present state

Local patronal festivals of the Northern Vepsians (an ethno-dialectical group within the Vepsian ethnos) are examined in the article. The author emphasizes the importance of these festivals for the Vepsian peasantry in the past; she touches upon the process of elimination of the festivals that had begun in the 1930s; she describes today's patronal festivals as they are reviving and contributing to the consolidation of the Vepsians. Of all festivals it is the patronal ones that have attracted the least attention of the ethnographers because of their Christian origin. Yet, as the Vepsian materials demonstrate, they have absorbed much of the ancient Vepsian rites showing in such activities as visiting, communal eating, open-air parties.

I. Yu. Vinokurova

© 1995 г., ЭО, № 6

А. В. Хренков

СУРМА ЭФИОПИИ

(по следам одной экспедиционной поездки)

В конце марта 1992 г., когда российско-эфиопская этносоциологическая экспедиция заканчивала полевые исследования в провинциях Кэфа и Иллубабор и готовилась отбыть в Аддис-Абебу, мне удалось выкроить в плотном графике нашей работы несколько дней и совершить короткую поездку в район Маджи, примыкающий к границам эфиопского национального парка Омо. Целью поездки